

Византийская аристократия как объект научного исследования (историографические заметки)

Аннотация: В статье дана характеристика развития подходов к изучению византийской аристократии, сформировавшихся в XX в., в особенности – во второй его половине. Сделана попытка показать, как научный интерес к правящему классу Византии повлек за собой расширение источниковой базы и продвинул обработку источников, что, в свою очередь, углубило представления как конкретно об аристократии, так и о Византийской империи в целом. Рассмотрена роль прозографического метода и вспомогательных исторических дисциплин (сигиллографии и нумизматики) для выявления информации и создания новых методов ее анализа. Проблема раскрывается на основе систематического обзора тех научных трудов, которые способствовали формированию самостоятельного направления в историографии Византийской империи – истории византийской аристократии. В статье автором выделены основные этапы в развитии подходов и исследований по истории византийской аристократии, и показано, что результаты этих исследований в значительной степени определяют развитие таких направлений византиноведения, как источниковедение, социально-экономическая и военно-политическая история и т.п.

Annotation: The article presents a description of the methodological developments in the study of Byzantine aristocracy, unfolding during the 20th century – primarily during its second half. The author attempts to show how scientific interest in the ruling class of Byzantium helped to widen the existing source base and advanced the elaboration of these sources, which consequently deepened the perception of Byzantine aristocracy in particular, and of the Byzantine Empire in general. The article specifically reviews the role of the prosopographical approach and of other auxiliary historical disciplines (sigillography and numismatics) in the elucidation of historical information and in the creation of new methods of its analysis. The topic is discussed on the basis of a systematic review of the main scientific works that lead towards the formation of a separate research field in Byzantine historiography – the history of the Byzantine aristocracy. The author highlights the main research stages in the study of Byzantine aristocracy and it is shown that the results of these researches significantly determined the development of such branches of Byzantinology as source criticism, socio-economic, military and political history, and others.

Ключевые слова: история, Византийская империя, общество, аристократия, византиноведение, историография, источники, прозография, сигиллография, нумизматика.

Key words: history, the Byzantine Empire, society, aristocracy, Byzantinology, historiography, sources, prosopography, sigillography, numismatics.

Данная работа представляет собой общий обзор развития подходов к изучению византийской аристократии, в основном – возникших и развивающихся во второй половине XX в. Это попытка показать, как научный интерес к правящему классу Византийской империи способствовал расширению источниковой базы и продвинул обработку источников, что, в свою очередь, углубило представления как конкретно об аристократии, так и о Византии в целом.

Византийская аристократия постоянно находилась в поле зрения ученых-византиноведов. Такое внимание объясняется как воз-

можностями средневековых письменных источников, включающих в первую очередь сведения о бытии и деяниях верховной власти и аристократии¹, так и тем исторически сложившимся фактором, что, при преобладании в Европе на протяжении веков монархии как формы государственного устройства, главные политические дискуссии неизбежно касались

¹ Как было отмечено в историографии, византийские исторические источники рассказывают почти исключительно об императоре и его семье, об узурпаторах, о полководцах и важных чиновниках, о духовных лицах и теологах, и, в последнюю очередь, об ученых и деятелях культуры. (Kazhdan A., Constable G. *People and Power in Byzantium*. Dumbarton Oaks, 1982. P. 19).

аристократии и ее места в обществе. Наконец, византийская аристократия веками была важной составляющей общеевропейского историко-культурного представления о Византийской империи, ее культуре и обществе.

Исследование византийской аристократии начинается в русле изучения государственных структур Византийской империи. В первой половине XX в. это направление развивали Луи Брейе² и Родольф Гийан³, и, отчасти, англо-американская историография. Объектом их внимания была малоизученная, как отмечал Гийан⁴, история византийских административных институтов (т.е., основной сферы деятельности аристократии). Изыскания Р. Гийана 1930-х – 1960-х гг. о различных административных титулах и сопутствующих им обязанностях показали, что это направление весьма эффективно для изучения аристократии, поскольку государственные институты формировали сложную общественную ткань правящего класса, члены которого занимали видные посты, обладали соответствующими титулами и особым местом в сложном придворном церемониале. Гийан также установил, что императоры со временем меняли статус и содержание титулов, и, следовательно, византийская элита не была столь статичной, как представлялось ранее. Изучение административной истории позволило выйти за рамки традиционных представлений об эгоцентричной и высокомерной аристократии и рассматривать ее как сердцевину правящего сословия византийского общества, представители которой выполняли ответственные функции в государственной системе.

Однако отдельным направлением в историографии история византийской аристократии становится относительно недавно, в середине XX в. Превращение аристократии в самостоятельный объект изучения позволило выявить ее социальные особенности, а также потребовало углубленного анализа характеризующей эти особенности терминологии. Стоит отметить, что свою роль в формировании новых подходов в византиноведении сыграли, хотя и не явно, структурализм, подчеркнувший важность членения и монтажа объекта исследования в науке,

и постструктурализм, сосредоточенный на анализе текста. Внимание исследователей сконцентрировалось главным образом на событиях XI–XIII вв., когда Византийскую империю возглавили Комнины – первая типичная династия, от которой остался богатый материал источников, дающий возможность реконструировать комплексную картину положения аристократии, более четко выявить ее внутреннюю структуру в эпоху становления родовитой знати.

С начала XI в. в империи происходят глубокие изменения, непосредственно связанные сначала с военным и экономическим кризисом, а затем с «золотой» эпохой Комнинов, которые не только покончили с политическим кризисом, но и привели Византию к своеобразному культурному и общественному «Ренессансу»⁵. Историки отмечали важное значение военно-административных реформ императора Алексея I (1081–1118), основателя династии Комнинов. Однако эти реформы и их влияние на социальную структуру общества не были достаточно изучены, особенно в плане сравнительного анализа византийского и западноевропейского феодализма. Проблема была замечена, и, как советские, так и западноевропейские ученые начали тщательно исследовать города⁶ и аграрный строй Византии⁷, чтобы выявить перемены в общественной и экономической структуре государства, обусловленные административными новациями. В указанный период перестраивается военная система, и под влиянием этих изменений в империи складывается особый феодаль-

⁵ Каждан А. П. «Демократизация» и «аристократизация» культуры // Никита Хониат и его время. СПб., 2005. С. 87.

⁶ Francès E. La féodalité et les villes byzantines au XIIIe et XIVe siècles // Byzantinoslavica. 1955. 16. P. 76–96; Zakythinos D. La ville byzantine // Diskussionsbeiträge zum XI. Internationalen Byzantinisten kongress. München, 1958. P. 75–90; Сюзюмов М. Я. Византийский город: середина VII – середина IX в. // Византийский временник. 1967. Т. 27. С. 38–70; Angold M. Archons and dynasts: Local aristocracies and the cities of the later Byzantine empire // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries / Ed. by M. Angold. Oxford, 1984. P. 236–253; Курбатов Г. Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984.

⁷ Ostrogorsky G. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Brussels, 1954; Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes // Revue Historique. 1958. T. 219. P. 32–74. T. 220. P. 43–94; Glykatzki-Ahrweiler H. La politique agraire des empereurs de Nicée // Byzantion. 1958. T. 28. P. 51–66; Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии // Византийский временник. 1974. 36. С. 3–30; Carile A. La signoria rurale nell'Impero latino di Constantinopoli (1204–1261) // Actes du XIVe Congrès Int. d'Etudes Byzantines. Vol. IV: Histoire. Athènes, 1980. P. 65–77; Хвостова К. В. Прония: соц-экономические и правовые проблемы // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 13–23.

² Bréhier L. Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1949.

³ См.: Guiland R. Recherches sur les institutions byzantines. T. I-II. Berlin-Amsterdam, 1967.

⁴ «История институтов Византии, столь новая, столь богатая и столь необходимая – необъяснимо остается без внимания» (Guiland R. Recherches sur les institutions byzantines. T. I. P. IX).

ный строй, начинается оформление родовитой аристократии, а именно, военно-провинциальной знати. При этом в столице продолжала существовать гражданская, сановная знать⁸. Историки еще ранее отмечали появление в источниках, относящихся к X в., сведений о все более устойчивом разделении знати на родовитую и служилую. Систематические исследования проблемы во второй половине XX в. показали, что в комниновский период снижается значимость римской идеологии преимущества заслуг человека перед его происхождением, т. е. происходит замена меритократического принципа получения поста и статуса на наследственный⁹. Родовитая аристократия начинает доминировать, так как, хотя византиец и мог продвигаться благодаря своим личным достоинствам, он, чаще всего, все же использовал свое знатное семейное происхождение. Таким образом, в X/XI–XIII вв. в Византийской империи сформировалась аристократия – со своей идеологией и устойчивым положением в общественно-экономической системе, т.е. являющая собой полноценный социальный феномен. Поскольку были выявлены предпосылки формирования, контекст и временные границы существования аристократии, основные параметры ее отличия от других сословий, то отныне родовитая аристократия эпохи Комнинов стала объектом научного исследования.

В 1950-х гг. появляется ряд работ, открывающих новые пути к исследованию не только византийской аристократии, но и империи в целом. Это стало возможным, в частности, благодаря использованию вспомогательных исторических дисциплин. Во второй половине XX в. в исследованиях по социальной истории аристократия рассматривается в более широком комплексе проблем, нежели раньше: учитываются ее важные государственные функции и запутанные отношения с императорской властью. Значительное место занимает выявление ее роли в XI–XIII вв. в военных вопросах, в том числе в связи с крестовыми походами, в образовании новых династий и формировании так называемой военной аристократии, в сфере церковной истории. Некоторые историки (Х.-Г. Бек, П.

Каранис, П. Лемерль, Г. Острогорский) начали исследовать аристократию напрямую¹⁰, признавая потребность осмыслить историческую роль столь важной социальной группы.

В 1974 г. была издана книга А. П. Каждана «Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв.», где автор отметил, что, несмотря на значимые труды по изучению верховного класса, в византиноведении все же не хватает последовательного обсуждения самих понятий, характеризующих этот класс¹¹. Используя социально-экономические признаки, А. П. Каждан определил оперативные понятия, дифференцируя термины «господствующий класс», «знать (аристократия или нобилитет)» и «элита». Под определением «господствующий класс» подразумевалась совокупность эксплуататоров, обладавших основной массой земель и административно-судебной властью (через государство или в рамках феодальной сеньории). Понятие «знать», скорее, характеризовало общественный статус этой группы, связанный с определенными привилегиями. «Элита» – верхушка «знати» – отличалась от первых двух долей публичной власти¹². Хотя это разделение понятий в дальнейшем не соблюдалось строго, особенно в иноязычной историографии, историк отметил важность рассмотрения явления с разных точек зрения. В своей книге Каждан провел также масштабное просопографическое исследование представителей знати и аристократических семей, продолжая византиноведческую традицию систематической обработки содержания источников. Целью его было проследить устойчивость аристократических семей и, тем самым, показать на фактах сложность социальной структуры византийского высшего общества, в котором, с одной стороны, прослеживаются обновление и открытость для новых членов, а с другой – длительность существования отдельных семей¹³. Это исследование оказалось очень плодотворным для выявления тенденций развития общества и государства в Византийской империи и особенностей разных периодов

⁸ Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. № 25. P. 1–12.

⁹ «Aristocracy and nobility are therefore often taken to be no more than different sides of the same coin. The former deals in the exercise of power, the latter in the qualities and the qualifications needed». (Angold M. Introduction // *The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries* / Ed. by M. Angold. Oxford, 1984. P. 1).

¹⁰ Charanis P. The Aristocracy of Byzantium in the XIII century // *Studies in Honor of A. C. Johnson*. Princeton, 1951. P. 336–355; Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance // *Revue Historique*. 1958. T. 219. P. 32–74. T. 220. P. 43–94; Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. № 25. P. 1–32.

¹¹ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 8–9.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Там же. С. 123.

ее истории. Таким образом, социологический анализ углубил исследование политической истории и продемонстрировал значение результатов изучения византийской аристократии для всего византиноведения.

Достижения в описании сложной структуры правящего класса Византии не могли, однако, изменить традиционное представление об аристократии как о дестабилизирующей и ангажированной социальной силе. Многочисленные доказательства этому находились в источниках: аристократия, несмотря на свои государственные и общественные обязанности, часто противостояла императорской власти и восставала в попытках узурпировать власть. Благодаря отсутствию приоритета общегосударственного блага перед собственным, именно аристократия привела империю к страшным катастрофам, включая оба захвата Константинополя: в 1204 г. – крестоносцами и в 1453 г. – турками.

После долгих обсуждений центробежных тенденций аристократии, в 1990 г. появилась работа Ж.-К. Шене «Власть и разногласия в Византии (963–1210)»¹⁴. Эта книга стала фундаментом для дальнейших исследований отношений византийской власти и аристократии, причем не только рассматриваемого периода: методика Шене была применена его учеником В. Пюэшем при анализе материалов следующего столетия (1204–1310)¹⁵. Ж.-К. Шене систематизировал сведения и составил базу данных по внутренним конфликтам и восстаниям в борьбе за власть в Византийской империи, отмечая их особенности и анализируя не только роль византийской аристократии, но и разногласия между военными и гражданским населением. Ученый пришел к выводу, что восстания в борьбе за императорский трон в период между концом X в. и началом XIII в. всегда поднимала аристократия, главным образом – из рода Комнинов. Их главной причиной были разногласия по поводу налоговой политики, и они «никогда не обретали форму подлинного народного движения»¹⁶. Одновременно исследование Шене показало, что в социальной структуре Византии аристократия выполняла функцию посредника между народом и императорской властью, хотя к XI в. она

начинает играть более важную и независимую роль¹⁷. Аристократия не была изолирована от низших слоев общества и зависела от действий и влияния армии, особенно в удаленных регионах империи. И, хотя Шене ставит перед собой задачу выявить социальные разногласия на всех уровнях византийского общества, он видит за ними только одну главную социальную группу – аристократию, которая, по существу, определяла состояние и политику империи своей влиятельностью в регионах, семейными связями и военной поддержкой.

Отдельный этап изучения данной темы связан с активным развитием просопографических исследований. Долгое время после монументальной работы Дюканжа, созданной еще в конце XVII в.¹⁸, эта специальная историческая дисциплина не применялась византологами, наверное, в значительной степени потому, что историки еще не открыли для себя обширные возможности ее практического применения. Просопографический жанр начал бурно осваиваться, когда был осознан потенциал этого метода в изучении социально-политической истории, и стало ясно, что собрание сведений, позволяющее составить коллективные биографии, может создать обобщающую социальную картину, особенно в отношении аристократии.

В этой сфере особенно примечательны работы Д. И. Полемиса¹⁹, К. Вардзоса²⁰, а также Ж.-К. Шене и Ж.-Ф. Ваннье²¹. Эти авторы стремились классифицировать все сведения различных источников, как письменных, так и материальных, по истории определенных знатных родов, создавая тем самым справочник имен, облегчающий работу с источниками и позволяющий проследить семейные связи представителей аристократии, их деятельность, а также судьбы отдельных ветвей рода и их связи, особенно брачные, с другими семьями. Эта методика способствует развитию как макро-, так и микро- социальных исследований, и сегодня почти в каждой работе, касающейся византийской аристократии, есть ссылки на просопографические справочники.

¹⁷ Ibid. P. 475–480.

¹⁸ Ducange. *Familiae Augustae Byzantinae*. Paris, 1680.

¹⁹ Polemis D. I. *The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography*. London, 1968.

²⁰ Varzos K. *Η γενεαλογία των Κομνηνών*. Thessaloniki, 1984. T. 1–2.

²¹ Cheynet J.-C., Vannier J.-F. *Études prosopographiques*. Paris, 1986.

¹⁴ Cheynet J.-C. *Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210)*. Paris, 1990.

¹⁵ Puech V. *L'Aristocratie et le pouvoir à Byzance au XIIIe siècle (1204–1310)*. Thèse de Doctorat. 2 vols. Université de Versailles / Saint-Quentin-en-Yvelines, 2000.

¹⁶ Cheynet J.-C. *Op. cit.* P. 475.

Не менее значимы для исследования аристократии две другие вспомогательные дисциплины, тесно связанные между собой и взаимно поддерживающие просопографию: сигиллография (называемая также сфрагистикой) и нумизматика. Монеты и печати издавна собирались и каталогизировались²², занимая особое место среди источников из-за своей долгосрочной материальной ценности²³. Печати, часто заполняя лакуны письменных источников, являются важнейшим источником сведений об отдельных личностях и по административной истории, поскольку в Византии печати делались для большинства членов общества (включая женщин), и на них часто были обозначены титулы и должности владельца. Нумизматические исследования, естественно, питают в первую очередь экономическую и финансовую историю.

Интенсивное привлечение этих двух дисциплин в византиноведческих исследованиях также относится к середине XX столетия. Первоначальной задачей было описание и классификация имеющихся монет и печатей и, по возможности, их идентификация. Имеющие важнейшее значение каталоги византийских печатей были опубликованы В. Лораном, специалистом по церковной истории.²⁴ Исключительное значение для современной сигиллографии имеют каталоги и справочники Н. Икономидиса, Г. Закоса и А. Веглери.²⁵ Византийская нумизматика получила особый импульс в 1980-х гг., обратив на себя вни-

мание М. Ф. Хенди, который систематизировал основные сведения по истории денежного обращения Византийской империи.²⁶

Сигиллография и нумизматика создали точные критерии описания материальных источников, в рамках этих дисциплин стали развиваться методы статистической обработки данных. Усовершенствование технологии материального анализа монет и печатей раскрыло новые возможности исследования финансовой системы и денежного обращения. Но они способствовали также получению косвенной информации о византийском обществе и его представителях. Так, изображения на монетах императоров и соответствующих им религиозных символов отражали как их собственный менталитет, так и культурные традиции общества. Особенно плодотворным в этом аспекте оказалось изучение печатей, так как они визуально представляют индивидуальные иконографические предпочтения своих владельцев в сочетании со служебными (связанными с чином или титулом) или фамильными особенностями и региональной спецификой. Подобные исследования позволяют детализировать особенности эпох через их отражение на монетах и печатях, как, например, в периоды иконоборчества и иконопочитания.²⁷ Привлечение этих источников в византиноведении обогащает не только историю экономики, но способствует изучению ментальности, культуры, общественных отношений в целом и, в частности, истории аристократии.

* * *

С середины XX в. византиноведение погружается в ревизию источников, в том числе опубликованных ранее. Вырабатывается более систематический подход к подбору текстов и переводам, издаются новые источники. В результате этой работы появляется огромная детальная информация об империи, стимулирующая исследовательский интерес к внутренним механизмам ее жизни. Анализу и переоценке социального состава Византийской империи, в том числе и вниманию к истории аристократии, способствовали оказавшие большое влияние

²² См.: Соде К. А. Д. Мордтман младший (1837–1912) и начало византийской сигиллографии // Византийский временник. 2001. Т. 60 (85). С. 178–218; Sebatier J. Plombs, bulles et sceaux Byzantines // Revue archéologique. 1858. 15. P. 82–100; Schlumberger G. Numismatique de l'Orient latin. Paris, 1878–1882; Idem. Sigillographie de l'empire byzantine. P., 1884; Rostovtsev M., Prou M. Catalogue des plombs de l'Antiquité, du Moyen Âge et des temps modernes conservés au département des médailles et antiques de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1900; Лихачев Н. П. Из лекций по сфрагистике. СПб., 1899; Ebersolt J. Sceaux byzantins du Musée de Constantinople // Revue Numismatique. 1914. Т. 18. P. 207–243, 377–409; Толстой И. И. Византийские монеты. Т. 1–9. СПб., 1912–1914.

²³ Следует иметь в виду, что печати также обладали монетарной и коммерческой функцией, помимо того, что они и внешне похожи на монеты. (Morrisson C. Numismatique et sigillographie: parentés et méthodes // Studies in Byzantine Sigillography. 1987. V. 1. P. 1, 5–7).

²⁴ См. Laurent V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine. Athènes, 1932. Idem. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Vatican, 1962. Idem. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. T. I–V. P., 1963–1981.

²⁵ Zacos G., Vegler A. (Ed.) Byzantine lead seals. Vol. I–II. Basel, 1972. Oikonomidès N. (Ed.) A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington D. C., 1986. Oikonomidès N., Nesbitt J., Morrisson C. (Ed.) Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1–6. Washington D.C., 1991–2009.

²⁶ Hendy M. F. Coinage and Money in the Byzantine Empire (1081–1261) // Washington D.C., 1969; Idem. Studies in the Byzantine Monetary Economy, с. 300–1450. Cambridge, 1985; Idem. The economy, fiscal administration and coinage of Byzantium. Northampton, 1989.

²⁷ Cheynet J.-C., Morrisson C. Texte et image sur les sceaux byzantins: les raisons d'un choix iconographique // Studies in Byzantine Sigillography. 1995. Vol. 4. P. 9–15.

на изучение аграрной и социально-экономической истории научные дискуссии сторонников марксистско-ленинской методологии и представителей таких западноевропейских течений в исторической науке, как, например, школа исторического синтеза. Плодотворным для социальных исследований оказалось обсуждение особенностей византийского феодализма и социально-государственного развития эпохи Комнинов в XI–XIII вв. Благодаря изучению проблем административной истории, в историографии второй половины XX в. аристократия предстает как сложно организованный класс с особыми общественными функциями. Почти синхронно с прогрессом в изучении административной, социальной и экономической истории Византии,

к новым достижениям приходят просопография, сигиллография и нумизматика, которые в свою очередь подпитывали указанные направления исторических исследований.

Результаты изучения византийской аристократии в значительной степени определяют развитие таких направлений византиноведения, как источниковедение, военно-политическая история, уточнение периодизации социально-экономических изменений в византийском государстве и т.п. Таким образом, изучение аристократии занимает одно из главных мест в византиноведении, углубляя познание истории Византийской империи в целом и, одновременно, создавая представление о многоэтапном и сложном формировании византийского общества.

Библиография:

1. Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.
2. Каждан А. П. «Демократизация» и «аристократизация» культуры // Никита Хониат и его время. СПб., 2005. С. 87–167.
3. Курбатов Г. Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984.
4. Лихачев Н. П. Из лекций по сфрагистике. Санкт-Петербург, 1899.
5. Соде К. А. Д. Мордтман младший (1837–1912) и начало византийской сигиллографии // Византийский временник. 2001. Т. 60 (85). С. 178–182.
6. Сюзюмов М. Я. Византийский город: середина VII – середина IX в. // Византийский временник. 1967. Т. 27. С. 38–70.
7. Толстой И. И. Византийские монеты. Т. 1–9. Санкт-Петербург, 1912–1914.
8. Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии // Византийский временник. 1974. Т. 36. С. 3–30.
9. Хвостова К. В. Прония: социально-экономические и правовые проблемы // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 13–23.
10. Angold M. Archons and dynasts: Local aristocracies and the cities of the later Byzantine empire // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries / Ed. by M. Angold. Oxford, 1984. P. 236–253.
11. Angold M. Introduction // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries / Ed. by M. Angold. Oxford, 1984. P. 1–9.
12. Bréhier L. Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1949.
13. Carile A. La signoria rurale nell'Impero latino di Constantinopoli (1204–1261) // Actes du XIVe Congrès Int. d'Etudes Byzantines. Vol. IV: Histoire. Athènes, 1980. P. 65–77.
14. Charanis P. The Aristocracy of Byzantium in the XIII century // Studies in Roman Economic and Social History in Honor of Allan Chester Johnson / Ed. by P. R. Coleman-Norton, F.C. Bourne, J.V.A. Fine. Princeton, 1951. P. 336–355.
15. Cheynet J.-C., Vannier J.-F. Études prosopographiques. Paris, 1986.
16. Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). Paris, 1990.
17. Cheynet J.-C., Morrisson C. Texte et image sur les sceaux byzantins: les raisons d'un choix iconographique // Studies in Byzantine Sigillography. 1995. Vol. 4. P. 9–32.
18. Ducange Ch. Familiae Augustae Byzantinae. Paris, 1680.
19. Ebersolt J. Sceaux byzantins du Musée de Constantinople // Revue Numismatique. 1914. Т. 18. P. 207–243, 377–409.
20. Francès E. La féodalité et les villes byzantines au XIIIe et XIVe siècles // Byzantinoslavica. 1955. Vol. 16. P. 76–96.
21. Glykatzis-Ahrweiler H. La politique agraire des empereurs de Nicée // Byzantion. 1958. Т. 28. P. 51–66.
22. Guillard R. Recherches sur les institutions byzantines. T. I–II. Berlin; Amsterdam, 1967.
23. Hendy M. F. Coinage and Money in the Byzantine Empire (1081–1261). Washington, D.C., 1969.
24. Hendy M. F. Studies in the Byzantine Monetary Economy, ca. 300–1450. Cambridge, 1985.
25. Hendy M. F. The economy, fiscal administration and coinage of Byzantium. Northampton, 1989.
26. Kazhdan A., Constable G. People and Power in Byzantium. Washington, D.C., 1982.

27. Laurent V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine. Athènes, 1932.
28. Laurent V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Vatican, 1962.
29. Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. I-V. Paris, 1963-1981.
30. Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes // *Revue Historique*. 1958. T. 219. P. 32-74; T. 220. P. 43-94.
31. Morrisson C. Numismatique et sigillographie: parentés et méthodes // *Studies in Byzantine Sigillography*. 1987. V. 1. P. 1-25.
32. Oikonomidès N. (Ed.) *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals*. Washington D. C., 1986.
33. Oikonomidès N., Nesbitt J., Morrisson C. (Ed.) *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Vol. 1-6. Washington D.C., 1991-2009.
34. Ostrogorsky G. *Pour l'histoire de la féodalité byzantine*. Brussels, 1954.
35. Ostrogorsky G. *Observations on the Aristocracy in Byzantium* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. № 25. P. 1-32.
36. Polemis D. I. *The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography*. London, 1968.
37. Puech V. *L'Aristocratie et le pouvoir à Byzance au XIIIe siècle (1204-1310)*. Thèse de Doctorat. 2 vols. Université de Versailles / Saint-Quentin-en-Yvelines, 2000.
38. Rostovtsev M., Prou M. (Ed.) *Catalogue des plombs de l'Antiquité, du Moyen Âge et des temps modernes conservés au département des médailles et antiques de la Bibliothèque Nationale*. Paris, 1900.
39. Schlumberger G. *Numismatique de l'Orient latin*. Paris, 1878-1882.
40. Schlumberger G. *Sigillographie de l'Empire byzantine*. Paris, 1884.
41. Sebatier J. *Plombs, bulles et seaux Byzantines* // *Revue archéologique*. 1858. T. 15. P. 82-100.
42. Varzos K. *Η γενεαλογία των Κομνηνών*. Thessaloniki, 1984. T. 1-2.
43. Zacos G., Vegler A. (Ed.) *Byzantine lead seals*. Vol. I-II. Basel, 1972.
44. Zakythinou D. *La ville byzantine* // *Diskussionsbeiträge zum XI. Internationalen Byzantinisten kongress*. München, 1958. P. 75-90.

References:

1. Kazhdan A. P. *Sotsial'nyi sostav gosподstvyushchego klassa Vizantii XI-XII vv. M.*, 1974.
2. Kazhdan A. P. «Demokratizatsiya» i «aristokratizatsiya» kul'tury // *Nikita Khoniati i ego vremya*. SPb., 2005. S. 87-167.
3. Kurbatov G. L. *Istoriya Vizantii (ot antichnosti k feodalizmu)*. M., 1984.
4. Likhachev N. P. *Iz lektsii po sfragistike*. Sankt-Peterburg, 1899.
5. Sode K. A. D. *Mordtman mladshii (1837-1912) i nachalo vizantiiskoi sigillografii* // *Vizantiiskii vremennik*. 2001. T. 60 (85). S. 178-182.
6. Syuzumov M. Ya. *Vizantiiskii gorod: seredina VII - seredina IX v.* // *Vizantiiskii vremennik*. 1967. T. 27. S. 38-70.
7. Tolstoi I. I. *Vizantiiskie monety*. T. 1-9. Sankt-Peterburg, 1912-1914.
8. Udaltsova Z. V., Osipova K. A. *Otlichitel'nye cherty feodal'nykh otnoshenii v Vizantii* // *Vizantiiskii vremennik*. 1974. T. 36. S. 3-30.
9. Khvostova K. V. *Proniya: sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye problemy* // *Vizantiiskii vremennik*. 1988. T. 49. S. 13-23.
10. Angold M. *Archons and dynasts: Local aristocracies and the cities of the later Byzantine empire* // *The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries* / Ed. by M. Angold. Oxford, 1984. P. 236-253.
11. Angold M. *Introduction* // *The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries* / Ed. by M. Angold. Oxford, 1984. P. 1-9.
12. Bréhier L. *Les institutions de l'Empire byzantin*. Paris, 1949.
13. Carile A. *La signoria rurale nell'Impero latino di Costantinopoli (1204-1261)* // *Actes du XIVe Congrès Int. d'Etudes Byzantines*. Vol. IV. Histoire. Athènes, 1980. P. 65-77.
14. Charanis P. *The Aristocracy of Byzantium in the XIII century* // *Studies in Roman Economic and Social History in Honor of Allan Chester Johnson* / Ed. by P. R. Coleman-Norton, F.C. Bourne, J.V.A. Fine. Princeton, 1951. P. 336-355.
15. Cheynet J.-C., Vannier J.-F. *Études prosopographiques*. Paris, 1986.
16. Cheynet J.-C. *Pouvoir et contestations à Byzance (963-1210)*. Paris, 1990.
17. Cheynet J.-C., Morrisson C. *Texte et image sur les sceaux byzantins: les raisons d'un choix iconographique* // *Studies in Byzantine Sigillography*. 1995. Vol. 4. P. 9-32.
18. Ducange Ch. *Familiae Augustae Byzantinae*. Paris, 1680.
19. Ebersolt J. *Sceaux byzantins du Musée de Constantinople* // *Revue Numismatique*. 1914. T. 18. P. 207-243, 377-409.
20. Francès E. *La féodalité et les villes byzantines au XIIIe et XIVe siècles* // *Byzantinoslavica*. 1955. Vol. 16. P. 76-96.

21. Glykatzis-Ahrweiler H. La politique agraire des empereurs de Nicée // *Byzantion*. 1958. T. 28. P. 51–66.
22. Guillard R. *Recherches sur les institutions byzantines*. T. I–II. Berlin; Amsterdam, 1967.
23. Hendy M. F. *Coinage and Money in the Byzantine Empire (1081–1261)*. Washington, D.C., 1969.
24. Hendy M. F. *Studies in the Byzantine Monetary Economy, ca. 300–1450*. Cambridge, 1985.
25. Hendy M. F. *The economy, fiscal administration and coinage of Byzantium*. Northampton, 1989.
26. Kazhdan A., Constable G. *People and Power in Byzantium*. Washington, D.C., 1982.
27. Laurent V. *Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine*. Athènes, 1932.
28. Laurent V. *Les sceaux byzantins du Médailleur Vatican*. Vatican, 1962.
29. Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin*. T. I–V. Paris, 1963–1981.
30. Lemerle P. *Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes* // *Revue Historique*. 1958. T. 219. P. 32–74; T. 220. P. 43–94.
31. Morrisson C. *Numismatique et sigillographie: parentés et méthodes* // *Studies in Byzantine Sigillography*. 1987. V. 1. P. 1–25.
32. Oikonomidès N. (Ed.) *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals*. Washington D. C., 1986.
33. Oikonomidès N., Nesbitt J., Morrisson C. (Ed.) *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Vol. 1–6. Washington D.C., 1991–2009.
34. Ostrogorsky G. *Pour l'histoire de la féodalité byzantine*. Brussels, 1954.
35. Ostrogorsky G. *Observations on the Aristocracy in Byzantium* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. № 25. P. 1–32.
36. Polemis D. I. *The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography*. London, 1968.
37. Puech V. *L'Aristocratie et le pouvoir à Byzance au XIIIe siècle (1204–1310)*. Thèse de Doctorat. 2 vols. Université de Versailles / Saint-Quentin-en-Yvelines, 2000.
38. Rostovtsev M., Prou M. (Ed.) *Catalogue des plombs de l'Antiquité, du Moyen Âge et des temps modernes conservés au département des médailles et antiques de la Bibliothèque Nationale*. Paris, 1900.
39. Schlumberger G. *Numismatique de l'Orient latin*. Paris, 1878–1882.
40. Schlumberger G. *Sigillographie de l'Empire byzantine*. Paris, 1884.
41. Sebatier J. *Plombs, bulles et sceaux Byzantines* // *Revue archéologique*. 1858. T. 15. P. 82–100.
42. Varzos K. *Η γενεαλογία των Κομνηνών*. Thessaloniki, 1984. T. 1–2.
43. Zacos G., Vegliery A. (Ed.) *Byzantine lead seals*. Vol. I–II. Basel, 1972.
44. Zakythinis D. *La ville byzantine* // *Diskussionsbeiträge zum XI. Internationalen Byzantinisten kongress*. München, 1958. P. 75–90.